

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО РАН

**УТОПИЯ
и ЭСХАТОЛОГИЯ**
В культуре
русского модернизма

МОСКВА «ИНДРИК» 2016

УДК 821.161.1.09
ББК 85.1
У 85

Издание осуществлено
за счет гранта Российского научного фонда (РНФ),
проект № 14-18-02709

Редакционная коллегия серии
«“Вечные” сюжеты и образы»:
А.Г. Гачева, Е.В. Глухова, В.В. Полонский,
А.Л. Топорков (*председатель*)

Ответственные редакторы выпуска:
О.А. Богданова, А.Г. Гачева

Члены редколлегии:
С.А. Серегина, М.В. Скороходов

Рецензенты:
д. филос. наук М.А. Маслин
д. филол. наук Н.М. Солнцева

Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма /
Сост. и отв. ред. О.А. Богданова, А.Г. Гачева. —
М.: «Индрик», 2016. — 000 с., илл.
(Серия «“Вечные” сюжеты и образы». Вып. 3.)

ISBN 978-5-91674-400-2

В основу книги положены материалы международной научной конференции «Утопия и эсхатология в литературе, искусстве и философской мысли русского модернизма» (Москва, ИМЛИ РАН, 24–27 июня 2015). Авторы статей рассматривают соотношение утопического и эсхатологического типов сознания, показывают, как в русской культуре первой трети XX в. воплощались темы кризиса цивилизации, конца истории, «идеального строя жизни», искусства как теургии. Особое внимание уделяется трансформации «вечных» идей и сюжетов, преосмыслению образов Откровения Иоанна Богослова.

Книга адресована филологам, философам, искусствоведам, всем интересующимся историей отечественной культуры.

© Текст, коллектив авторов, 2016
© Оформление, Издательство «Индрик», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 000

Утопия и эсхатология: ФИЛОСОФСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Н.А. Хренов. Утопическое сознание в России
рубежа XIX–XX вв.: от модерна к хилиазму 000

Н.Г. Полтавцева. Модерн как стиль культуры и утопия:
некоторые аспекты взаимодействия 000

Т.Д. Суходуб. Критика утопии как типа мышления
в русской философии первой трети XX в. 000

В.В. Варава. Рождение философии
из духа эсхатологии (Опыт русской мысли) 000

А. Савицкий. Мышление эсхатологическое
и мышление утопическое 000

О.М. Седых. «Тоска по мировой культуре»:
поэтика и утопия русского модернизма 000

М.М. Шibaева. Феномен панэстетизма
в контексте русского модернизма 000

О.А. Казнина. Критика социального утопизма
в русском религиозном персонализме. 000

А.Г. Гачева. Идея оправдания истории
и активно-творческий эсхатологизм
русской религиозно-философской мысли
конца XIX — первой трети XX в. 000

Е.М. Титаренко. Утопия и иеротопия:
образы сакрального пространства
в супраморализме Н.Ф. Федорова 000

О.А. Богданова. Дворянская усадьба Серебряного века
в пространстве ретроспективной утопии 000

О. Пфау. Утопия — проекция в будущее
или реализация существующего?
Влияние русских религиозных мыслителей XIX в.
на формирование концепции утопизма у Э. Блоха 000

Н.Н. Смирнова. Созерцание и откровение
в теории творчества М.О. Гершензона 000

Е.Ю. Кнорре (Константинова). «Китежане» 1920-х:
М. Пришвин, А. Мейер, М. Бахтин, А. Горский,
Н. Сетницкий. «Творчество идеала» как модель
самоопределения в социокультурной среде 000

В.Н. Катасонов. Наука и утопия 000

И.В. Желтикова. Утопия и образ будущего
в русской мысли конца XIX — начала XX в. 000

Утопия и эсхатология
в МУЗЫКЕ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

О.С. Давыдова. Символизм как предчувствие утопии:
скрытые смыслы модерна 000

К. Бланк. Петроград М. Добужинского 000

А.А. Ровнер. Утопическая и эсхатологическая тематика
в русской музыке конца XIX и начала XX в. 000

С.Р. Федякин. Утопия Александра Скрябина
и антиутопия Сергея Рахманинова 000

А.А. Меерзон. Эсхатологические образы
в литературном творчестве композитора
Алексея Станчинского 000

Утопия, антиутопия, эсхатология:
из опыта русской литературы

Т.А. Касаткина. Явление эсхатона:
феномен Ф.М. Достоевского на рубеже XIX–XX вв. 000

А. Дуккон. Эсхатологичность Ф.М. Достоевского
в интерпретации Н.А. Бердяева и С.Н. Булгакова 000

Н. Андрич. Эсхатологическая тема в трилогии
Дмитрия Мережковского «Христос и Антихрист» 000

Е.Л. Куранда. Мания власти в романе-фантазии 000

Л.Н. Урванцова. «Общество нормальных людей» 000

Н.Н. Арсентьева. Утопия социальной справедливости
в комедии Аристофана «Плутос» и пьесах
Леонида Андреева «Анатэма» и «Царь Голод» 000

О.А. Симонова. Образ «вавилонской блудницы»
в русской литературе начала XX в. 000

С.А. Серегина. Н.А. Клюев и голгофское христианство:
к истории вопроса 000

Т.Б. Батыр. Он «в море не искал таинственных утопий»:
антиутопии и практопии В.Я. Брюсова 000

- М.Л. Спивак. «Солнечный град» Андрея Белого:
с Кампанеллой и без Кампанеллы 000
- Е.В. Глухова, Д.О. Торшилов. Социальная и языковая утопия
в творчестве Андрея Белого революционных лет. 000
- М.А. Ариас-Вихиль. Планетарная утопия философии
коллективизма: каприйский эксперимент. 000
- Н.В. Михаленко. «Путешествие моего брата Алексея
в страну крестьянской утопии» А.В. Чайнова
в контексте утопических произведений начала XX в. 000
- Дж. Джиганте. Отражение конца эпохи
в произведениях Александра Чайнова.
Между утопией и ностальгией 000
- Е.А. Папкина. Роман Вс. Иванова «Голубые пески»:
границы утопии 000
- И.И. Матвеева. Апокалипсис по-советски:
эсхатологические мотивы в произведениях
сатириков 1920-х гг. 000
- Е.Г. Чернышева. Драматургические версии
«неудостоверенного» мира: «Елизавета Бам» Даниила
Хармса и «Дураки на периферии» Андрея Платонова
в утопической и эсхатологической проекциях 000
- Н.В. Дзуцева, В.В. Кулыгина. Эсхатологическая
символика в «Римском дневнике 1944 года»
Вячеслава Иванова 000
- Е.А. Михеичева. Леонид Андреев — Даниил Андреев:
оппозиция и диалог эсхатологического
и утопического сознаний 000

Е.Н. Ратникова. Образ будущего с точки зрения Даниила Андреева	000
М.В. Яковлев. Эсхатологическая символика в драматической поэме Даниила Андреева «Железная мистерия»	000
Б.А. Ланин. Русская литературная антиутопия: от модернизма к постмодернизму.	000
Список иллюстраций	000
Список сокращений.	000
Сведения об авторах	000
About the authors	000
Именной указатель	000

Е.В. Глухова, Д.О. Торшилов (Москва)

СОЦИАЛЬНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ УТОПИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО
РЕВОЛЮЦИОННЫХ ЛЕТ

Исследование
выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
(проект №14-18-02709)
и в ИМЛИ РАН

Наследие Андрея Белого включает в себя самые разные варианты утопической образности, которую современные исследователи предлагают классифицировать по трем основным типам: *теургическому*, *исторософскому* и *лингвистическому* (Суслопарова 2012, с. 10–56); также отмечались общие тематические и стилистические элементы *поэтической утопии* в поэзии Белого первых послереволюционных лет и в творчестве поэтов, примыкавших к кругу «Скифов» (Н. Ключева, С. Есенина) (см.: Серегина 2015). Действительно, смысловая парадигма *утопического* в творческом наследии писателя занимает немалое место и в революционные годы включает в себя как социальные, так и языковые универсалии. Поэтому было бы корректнее вести речь о сосуществовании двух типов утопии в творчестве Белого этого периода: социальной и языковой.

В 1900-е гг. в «симфониях» Белый неоднократно и детально описывал некий «утопический» край в буквальном смысле этого слова (*греч.* οὐτοπία — «страна, не имеющая места»). Например, в последней (четвертой) части I симфонии герои, по сюжету уже скончавшиеся, бродят по некой стране, которая прямо не названа, но читатель без большого труда угадывает, что это либо рай, либо его преддверие. Затруднительно назвать страну, в которой происходит действие первой части III симфонии и в которую ее герой возвращается, утопившись и соединившись со своим отражением: Л.К. Долгополов определял ее как «мир праисторического бытия» (Долгополов 1988, с. 97). Вероятно, именно эту «страну» образных отражений, а точнее прообразов, кривым отражением которых является наш мир, Белый сам называет «Утопией» в одноименном очерке 1919 г. (см.: Белый 1921–1). Аналогичная ситуация наблюдается и в последней симфонии, «Кубок метелей»: сложно определить локализацию действия последней части — либо оно происходит по ту сторону неба, либо с другой стороны земли (см. главки четвертой части «Гробная лазурь» и «Верхом на месяце»), — и вместе с тем нельзя сказать, что это место связано, например, с топосом «рая».

В антропософско-лингвистическом трактате «Глоссолалия» (1917) появляется образ фантастической страны Аэрии («воздушной»), страны воздуха и солнечного света, «где жили мы до рожде-

ния». Аэрия — страна, «где живут звуко-люди, освобождаясь от смерти <...>», — появляется также в рассказе Белого «Человек» начала 1918 г. (Белый 1995–1, с. 295). В «Глоссолалии» эта страна называется не только Аэрией, но и Эфирией, Зефиреей, Зофейрой, Офейрой (Белый 1922–1, с. 68; см. об этом: Спивак 2006); как не сложно заметить, эти названия представлены аллитерационными вариациями одной и той же темы из гласных, сонантов и «ф».

Само слово «Офейра», одно из названий страны-утопии, конечно, возникло в процессе писания «Глоссолалии» в результате аллитерационной игры (Эфирия — Зефирия — Зофейра); конкретно в тексте говорится: «верили греки, что где-то в Индии, в далях, блистает *“златая земля”*; и золотую ту землю называли: Зофейрой, Офейрой» (Белый 1922–1, с. 68; здесь и далее курсив А. Белого). Исследователями (например, Гленом Уокером; см.: Walker 2002) и комментаторами (в частности, Томасом Байером; см.: Belyj 2003, S. 139) давно отмечено, что название Офейра — результат смутных ассоциаций Белого с библейской страной Офир, откуда, согласно Третьей книге Царств, царю Соломону привозили золото. Иначе это загадочное замечание Белого про греков, веривших в «златую землю» в Индии, вообще необъяснимо. Непосредственным источником впечатлений, связанных со «страной золота Офир», «катализатором», как предполагает Г. Уокер, для Белого мог стать аллегорический роман М.М. Щербатова «Путешествие в страну Офир» (1783–1784) (см.: Walker 2003, p. 48). Однако роман этот малоизвестен, и у нас нет никаких свидетельств, что Белый был с ним знаком. Вероятно, источник сведений Белого об Офире много ближе — это занимающее четыре страницы описание поисков Офира по всем берегам Индийского океана в упомянутых ниже лекциях Макса Мюллера (Мюллер 1865, с. 152–153); Мюллер приводит и вариант названия «Софир», давший толчок фонетической игре Офейра — Зофейра — Зефирея — Эфирия.

Переработав в начале 1920-х гг. свои «Путевые заметки» для нового издания, Белый назвал их «Офейрой» (см.: Белый 1921–2), хотя в следующем переиздании от этого названия отказался (см.: Белый 1922–2). В чем «утопичность» книги путевых очерков, состоящей из детальнейших и ничуть не приукрашенных описаний увиденного? Мы бы ответили: в самой описательности, экфрастичности; как писал Дж. Стоун, символизм претендует «на обладание свободой видеть вокруг себя не тени действительности, а саму истину во всей славе преображения,

так, чтобы, давая миметическое представление о мире, одновременно открывать его идеальную сущность» (Стоун 2008, с. 508). Лучшей иллюстрацией этого тезиса нам кажется экфрастическая проза позднего Белого.

В 1919 г. писатель работал над эссе «Утопия», написанном как бы от лица персонажа, находящегося с другой стороны зеркала¹. В «Утопии» он называет эту фантастическую страну Азией, Пантазией и Фантазией. Описание этой страны, которая напоминает о себе на Земле в воображении и образном восприятии, — первый и самый частый тип утопической образности в творчестве Белого.

С переходом от симфоний к экспериментам в области романа Белый стал изображать утопический край значительно реже. Содержание его романов конца 1900-х — начала 1910-х гг., «Серебряного голубя» и «Петербурга», скорее наводит читателя на мысль об антиутопическом локусе этой прозы. Как известно, автор намеревался объединить их в трилогию; в третьем, заключительном романе, который Белый планировал написать, он собирался изобразить некий синтетический аспект утопического града (см.: Глухова 2015), город правильный и благой, а не погибельный Лихов или похожий на горячечный бред Петербург; этот роман в замысле назывался «Невидимый град»². Трилогию в целом Белый характеризовал так: «Первая часть говорит “нет” темному востоку в России; вторая часть говорит “нет” искаженному западу. И лишь в третьей части “Невидимый град” должно явиться “да” <...>» (цит. по: Спивак 1995, с. 57). Более подробных сведений о возможном содержании романа не сохранилось; ясно, что в сознании русской образованной публики тех лет «Невидимый град» ассоциировался прежде всего

1 Следует отметить, что «Утопия» была опубликована в «Записках мечтателей» (№ 2–3. Пб., 1921. С. 139–144) под говорящим псевдонимом *Alter ego* — «Другое я».

2 См. письма А. Белого Э.К. Метнеру от 26 декабря 1912 г. и 8 января 1913 г. (Белый 1981, с. 512, 515), А.А. Блоку от 26 декабря 1912 г. и 10 января 1913 г. (Белый, Блок 2001, с. 479, 482), М.Я. фон Сиверс от конца 1913 г. (Спивак 1995, с. 57). Первое упоминание третьей части трилогии, еще без названия, в письме Блоку от 10/23 июня 1912 г.: «С романом (речь о “Петербурге”. — Е. Г.) я измучился и дал себе слово надолго воздержаться от изображения отрицательных сторон жизни. В третьей части серии моей “Востока и Запада” буду изображать здоровые, возвышенные моменты жизни и Духа» (Белый, Блок 2001, с. 470). Название «Невидимый град» появляется в письмах Блоку от декабря и января 1912 г.

с градом Китежем³. Последний роман трилогии так и не был написан⁴.

Ближе всего к утопии, окрашенной именно в национальные тона, оказалась статья Белого «Священная Россия», вышедшая 7 июня 1918 г. в первом и последнем выпуске альманаха «Россия», посвященного откликам на русскую революцию (Белый 1918–1). Нужно сказать, что в это время (в 1917 и первой половине 1918 г.) благодаря Р.В. Иванову-Разумнику Белый сблизился с входившими в группу «Скифы» Н.А. Клюевым и С.А. Есениным и несколько раз цитировал их стихи в своих работах этого периода (чего не случилось ни до, ни после)⁵; памятниками этого «скифского» понимания национального идеала остаются, например, статья «Песнь солнценосца» во втором сборнике «Скифы» (см.: Белый 1918–2), предпосланная одноименным стихам Клюева, и подготовленная Ивановым-Разумником книга «Россия и Инония» (см.: Иванов-Разумник, Белый, Есенин 1920), соединяющая под одной обложкой «Инонию» Есенина и «Христос воскрес» Белого с интерпретирующей обе поэмы статьей Иванова-Разумника. Но национализм «скифов» носил парадоксальный, специфически революционный характер надежды на возрождение через разрушение, так что уже в «Священной России» Белый отрицает «китежский» идеал: «Русь Святая теперь — утонувший град Китеж; если бы всплыл этот Китеж опять, мы увидели б явственно: прошлое. Но оно — не Россия» (Белый 1918–1, с. 7). Собственно говоря, с темой старообрядческой, старорусской, сектантско-деревенской утопии Белый «разобрался» еще в первой части «трилогии»: религиозное движение русской глубинки, прельстившее героя «Серебряного голубя» соблазном несказанного, приводит его к гибели. Этот (национальный, славянофильский) момент представляется *историософской утопией*; и можно сказать, что там, где специфически национального у Белого больше всего — например, в

3 Например, в 1907 г. на сцене Мариинского театра в Петербурге с большим успехом шла опера Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» с декорациями И.Я. Билибина.

4 Об истории этого замысла и об утопии в произведениях Белого революционных лет см.: Спивак 2006, с. 169–182.

5 «Н.А. Клюев <...> все более и более, как явление единственное, нужное, необходимое, меня волнует: ведь он — единственный народный Гений (я не пугаюсь этого слова и готов его поддерживать всеми доводами внешнего убеждения)» (письмо Иванову-Разумнику от 4 января 1918 г.; см.: Белый, Иванов-Разумник 1998, с. 148).

патетически повторяемых цитатах из Ключева, оно допускается в тесной связке с лингвистической темой, с темой родного языка и праязыка, в полном соответствии с близкой Белому философией немецкого романтизма и ее триадой «язык, народ, миф».

Только после революции, особенно в 1920-е гг., во время общественных дискуссий о строительстве социализма, в творчестве Белого звучат темы собственно социальной утопии; он начинает говорить о «символизме как социальном учении». Памятником «принятия» Белым революции считается поэма «Христос воскрес», написанная весной 1918 г., в период наиболее энтузиастического отношения автора к происходившим событиям; в этом качестве она воспринимается как параллель к «Двенадцати» А.А. Блока. Статья «Весенние мысли» служит своеобразным прозаическим комментарием к поэме: «<...> общественность не завершаема в государственность; наоборот: государственность в лучшем случае — удобрение общественной нивы; перетирание государственных представлений у нас в голове нарисует нам линию эволюции представлений от центрального строя к федеративному строю; предел распада, неделимая клетка единого тела — коммуна. По отношению к государству она выглядит атомом; по отношению к грядущему организму, свободно составшему из свободного соединения монад в лик живой человечества, — коммуна есть клетка живой органической ткани, живого и творческого процесса: создания из людей Человечества.

Ей имя София.

Да, к этой Софии стремится грядущее, а не к каменному футляру ее, находящемуся в Константинополе» (Белый 1918–3, с. 122).

Коммунистическая утопия, таким образом, прямо отождествляется в статье «Весенние мысли» с софийным идеалом символизма; причем через тему «проливов» и упоминание собора Св. Софии в Константинополе Белый не только и не столько отмежевывается от политической идеи захвата проливов при разделе распадавшейся тогда Османской империи, сколько апеллирует к тому пониманию Софии как идеальной формы общезжития, из-за которого ей посвящались кафедральные соборы православных держав, к которому возвращался Владимир Соловьев в книге «La Russie et l'Eglise Universelle»⁶ (см., например: Соловьев 1911, с. 367, 444 и др.) и из-за которого Соловьев и Белый парадоксально сближали софиологию с представлением О. Конта о челове-

6 «Россия и вселенская церковь» (фр.).

стве как «Великом существе»⁷. Согласно представлениям Белого, софийное преобразование государства, общества и человечества должно произойти следующим образом. Раскол империи на отдельные государства (которые можно объединить в «федерацию») есть только начало ее распада до мельчайших единиц, «коммун», которые отождествляются с монадами. Монады, в свою очередь, по принципам монадологии, должны собраться в «монаду первого порядка» (ср. мнение отца писателя, Н.В. Бугаева, в работе «Основы эволюционной монадологии»: «Монады бывают первого, второго, третьего порядка и т. д. Монады второго порядка могут образовать монаду первого порядка. <...> Символическими примерами монад различных порядков могут послужить следующие единицы: человечество, государство, человек — социальная монада, клеточка — биологическая монада, частица — химическая монада, атом — физическая монада, эфирный атом» (Бугаев 1893, с. 4–5)⁸. К монадологии как основе языковой утопии Белого мы еще вернемся, а здесь отметим, что она послужила ему основой социальной утопии уже в 1918 г.

В 1920-е гг. Белый излагал аналогичную теорию «монадологической теократии» в книге «Почему я стал символистом...»:

<...> многие личности, строящие «Я», образуя индивидуума, по тому же закону видоизменяют сложение индивидуумов в индивидуум высшего порядка, иль церковь-коммуну (тут — влияние идей отца о монадах многих порядков в динамике переложения и сочетания их); если бы в те годы⁹ я наткнулся на формулу определения церкви Макарием Египетским, я бы сказал: «Вот, что я пытаюсь выразить в развитии своего символизма в социальную фазу». Привожу цитату Макария: «Церковь можно разуметь в двух видах:

7 «Человечество Конта — современная маска “Софии”» (Белый 1918–4, с. 94). Сопоставление восходит к речи В.С. Соловьева, посвященной столетнему юбилею О. Конта («Идея человечества у Августа Конта»); понимание Контом общего разума человечества как *le Grand Être*, «Великого существа», сопоставляется с пониманием Софии-Премудрости как идеального человечества. Эту идею и речь Соловьева А. Белый подробно обсуждает в 6-й главке очерка «Die Anthroposophie und Rußland» (Вjely 1922, р. 31–35; пер. см.: Белый 1994–1, с. 172–175).

8 О связи идей А. Белого и монадологии Н.В. Бугаева см.: Каидзава 1999; Силард 2011. У самого Белого см. также: Белый 1918–5, с. 9–12.

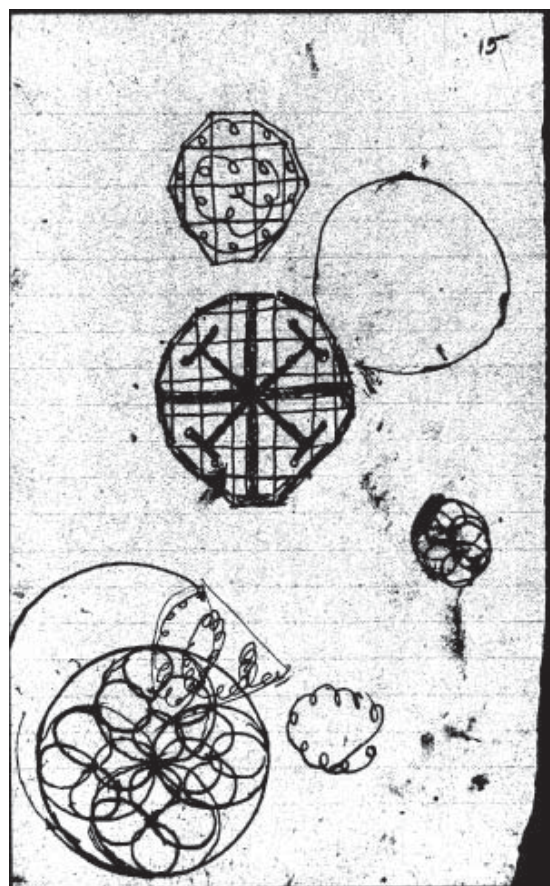
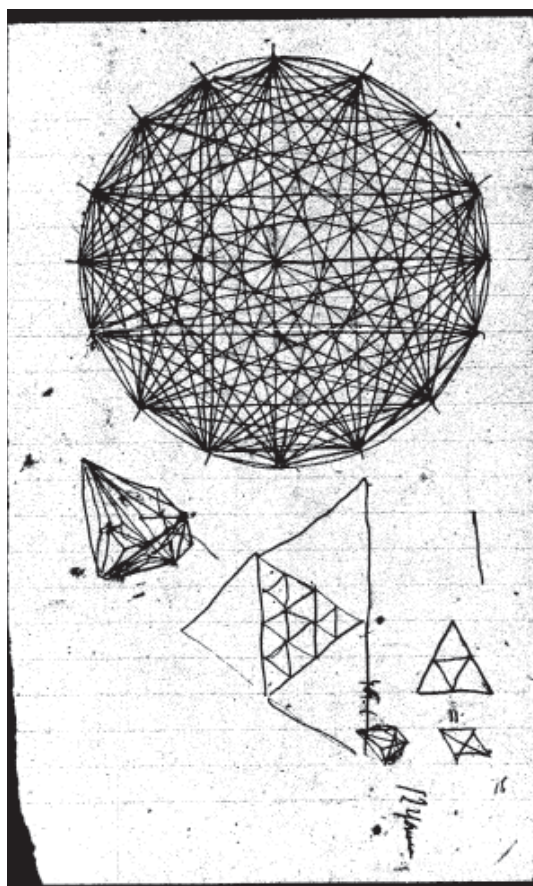
9 В годы работы над статьями, вошедшими в книгу «Символизм», т.е. во второй половине 1900-х гг.

или как собрание верующих, или как душевный состав. Посему, когда церковь берется духовно — в значении человека, тогда она целый состав его, а пять словес его означают пять <...> добродетелей» <...> Трудную духовную истину о церкви, как пяти принципах ритма в человеке, я не умел сформулировать, но — ощущал. И если бы я знал в те годы учение о числовых индивидуумах как комплексах, то я выразил бы свою социальную символику в аритмологии (этой социологии математики) (Белый 1994-2, с. 428-429).

В «Масках» математик Коробкин излагает ту же теорию социального устройства как «числового комплекса» князю Леойцеву, т. е. председателю Временного правительства Г.Е. Львову, — излагает в чисто математических терминах, апеллируя к истории математики, теории вращения и метаморфозам многогранников и т. д. (см.: Белый 1932, с. 178-181, 185-188. Глава 4, главы «Нильс Абель», «Да Лёва ж Леойцев!», «Грюх-брюх»). Коробкин в сумасшедшем доме также играет в игру, пародирующую эту теорию, заставляя своих товарищей по лечебнице выстраиваться в форму геометрических фигур и потом одновременно перебегать в другие точки, имитируя трансформацию многоугольника (см.: Белый 1932, с. 182-183. Глава 3, глава «Как Микель-Анжело...»).

В неосуществленном замысле третьего тома романа «Москва», наброски которого известны по воспоминаниям К.Н. Бугаевой, Коробкину предстояло попасть в некую коммуны, образовавшуюся в революционные годы на Кавказе¹⁰. Это и должно было стать изображением социальной утопии (или антиутопии) в творчестве Белого.

10 «Коробкина устраивают на жительство в Коджорах, близ Тифлиса. Там он вскоре становится центром целой группы людей, которые составляют вокруг него род коммуны. Жизнь и судьба этой коммуны на фоне истории и местного быта, в обстании высоких горных ландшафтов, в тесном общении с природой и должны были составить содержание III тома. Оно было навеяно посещением Кавказа, на котором Б.Н. три года подряд проводил по несколько “незабываемых” месяцев. Кавказ захватил его и поднял далекое прошлое. Вставала “старинная” тема, волновавшая его в дни молодости: организация “коллектива”, связь людей, их совместная жизнь, их общее дело. Вставала опять тема “Арго” — аргонавтизм по-новому — искание новых путей в страну Золотого Руна, страну новых людей, страну будущего. Все это ему хотелось облечь теперь в художественную форму, “воплотить” хотя бы на страницах романа» (Бугаева 2001, с. 157).

В архиве Белого, в недавно открытой его части, сохранился подробный чертеж «церкви-коммуны», описанной в «Почему я стал символистом...»¹¹ (см.: цвет. вклейка, илл. 1); он напоми-

11 Чертеж построен как пересечение внешней спирали, петли которой обращены внутрь от внешней окружности, с внутренней спиралью, петли которой обращены вовне от внутренней окружности. В левом верхнем углу расположено пояснение схемы разными цветами. Петли внешней спирали обведены желтым и помечены как «Ж» (т. е. монограмма из «Х» и «I»; на изображении в левом верхнем углу надпись желтым цветом — «Дух Истины»), петли внутренней обведены красным и помечены как «Я» (красным — «апостолы»). Овальные сегменты с заостренными концами, образованные пересечением петель двух спиралей, помечены «I. Ch.» (инициалы Иисуса Христа, совпадают с немецким Ich — «Я»); через их центры проходит средняя, синяя окружность (синим надпись — «мир»). Внешняя окружность и точка центра фигуры — зеленые (пояснение зеленым цветом — «Отец»), внутренняя окружность — оранжевая (с пояснени-

Илл. 1. Андрей Белый. Схемы из черновиков («фигурный комплекс» и др.). Ок. 1917–1918 гг.

Илл. 2. Андрей Белый. Схемы из черновиков (готические розы). Ок. 1917–1918 гг.

Илл. 3. Андрей Белый. Схемы из черновиков («фигурный комплекс», готические розы, цветы). Ок. 1917–1918 гг.

нает розу над входом в готический собор, многолепестковый цветок и одновременно фигуру, получаемую, если каждую из расположенных на окружности точек соединить друг с другом прямой. Такие чертежи — без пояснений — мы встречаем во множестве в черновиках «Глоссологии» (Белый 1917–1, лл. 14, 14 об., 15, 15 об., 16, 16 об.; см.: илл. 1, 2, 3). Помимо того, в неизданной книге «Кризис сознания» (1920) утверждается, что чертеж такого типа есть «фигура теории слова», а точки являются со-

ем — «церковь земная»); черно-коричневые линии диаметральных направлений, образующие кресты, интерпретируются автором как «Христос». Поясняющий текст внизу: «внутренний крест есть возможность в церкви чрез Апостолов узнавать внутреннюю Я — Х. I. / внешний крест есть Христос?». Далее отчеркивание, потом: «Церковь, (?) есть Ж; земная сфера церкви (следует чертеж креста в круге. — Е. Г.)», потом неразборчивое слово и отчеркнутый линией набросок еще одного чертежа с пояснениями.

ставляющими частными дисциплинами (Белый 1920, л. 59; § 50). «Теория слова» Белого является продолжением и развитием поэтики А.А. Потебни и, в конечном счете, теории языка как творческой деятельности В. фон Гумбольдта¹². Во время революций 1917 г. Белый занимался в основном теорией слова, под которой подразумевал ту область своих занятий, куда входили теория языка, лингвистика, поэтика и литературоведческий анализ, в том числе изобретенный им формальный анализ текста¹³. В этот период — накануне Октябрьской революции¹⁴ — им был закончен трактат «Глоссолалия»; во время Февральской революции Белый дописывал посвященный анализу поэтического языка трактат «О ритмическом жесте», в предисловии к которому отметил совпадение наступления новой эпохи, «ритмического жеста истории», со временем написания своей работы. Размышления о «ритмическом жесте» исходили при этом исключительно из стиховедческого и лингвистического контекста (см.: Белый 1917–2, л. II). Совершенно очевидно, что утопия революции совпала в сознании писателя с утопией открытия законов языка как творческой деятельности. Таково, например, отождествление ожидаемой под лозунгами III Интернационала всемирной революции с внутренней метаморфозой языка и одновременно со вторым пришествием Бога-Слова в концовке «Глоссолалии»: «Да будет же братство народов: язык языков разорвет языки; и — свершится второе пришествие Слова» (Белый 1922–1, с. 131).

Социально-историческое чаяние справедливости и одновременно религиозно-мистическое чаяние Второго пришествия увязываются здесь с внутренней трансформацией языка. В афишах лекций Белого этого периода мелькает и формулировка «межпланетное братство словесного смысла» (в лекции «Поэзия слова» 22 июня 1918 г.) (см.: Глухова 2011, с. 62–63; Белый 1918–6).

Говоря о корнях языковой утопии Белого, можно вспомнить и о распространенности идеи нового всемирного языка во вто-

12 Работы об А. Белом и А.А. Потебне многочисленны, например: Хан 1991; Какинума 2002. Трактовки самих учений Потебни и В. Гумбольдта см.: Зенкин 2004; Бибихин 2008; Бибихин 1996.

13 Кроме упомянутого места в «Кризисе сознания», см. курс лекций А. Белого в Пролеткульте, читавшийся в феврале — апреле 1919 г. (Белый 1920–е, №№ 404–412).

14 См. об этом, например, письмо А. Белого А.А. Тургенева от 4 ноября 1917 г. (Malmstad 1989, p. 436–437).

рой половине XIX — начале XX в.; с 1905 г. эсперантисты созывали ежегодные всемирные конгрессы, в Наркомпросе РСФСР заседа- ла комиссия по введению эсперанто в программу трудовых школ в качестве факультативного предмета, была комиссия по все- мирному языку и при III Интернационале, который Белый вспо- минает в поэме «Христос Воскрес». Поэт и сам говорит об искус- ственных «всемирных» языках, эсперанто и волапюке, в речи об утопии Кампанеллы, прочитанной в Вольфиле 2 мая 1920 г., на- зывая их «формами интернационала», т. е. осуществления соци- ально-исторического идеала, но сетует на то, что они «стирают <...> все красочности, богатства и непередаваемые красоты мно- говековых языковых творчеств» (цит. по: Белоус 2005, с. 435-442). Продолжая описание этой нивелирующей, стирающей индиви- дуальность интернационализации, Белый противопоставляет «интер-националу» некий настоящий «со-национал», в котором «<...> заложены идеалы органического коллективизма; челове- чество и вселенная связаны в нем; этот Град вырастает цветком из недр мира; <...> В своей ранней утопии Кампанелла еще не коснулся экономической жизни; важно, что в чаяниях своих он узрел органический коммунизм, чуждый всякой механике. Вы- двигая проблему о понимании будущего Интернационала, мы видим два образа: образ машинного строя, стирающего инди- видуальности психики, языка и культуры, и образ, слагающий языки, души, стили в венец человеческих душ; и язык языков, вырастающий из братского соплетенья наречий, мы видим в грядущем» (там же, с. 441-442).

Такая позиция писателя вновь обращает нас к монадоло- гии и к Г.В. Лейбницу (который, как известно, и сам разрабаты- вал проект всемирного языка). Процесс распада на самооргани- зующиеся элементы, в конечном счете, должен стереть разницу между механическим и органическим, между «аритмологиче- ском комплексом» и цветком на рисунках Белого.

Сходные принципы лежат в основе созданной Белым те- ории ритма. В неизданном трактате «О ритмическом жесте» единицы стиха — стопа / слово, полустихие / диподия, стро- ка, строфа, целое стихотворение — описываются как монады разных порядков, повторяющие асимметричную структуру друг друга и дающие в результате неповторимое целое, «индиви- дуум» (Белый 1917-2, PASSIM). В книге «Ритм как диалектика» Белый описывает практику изучения ритма словами Лейб- ница «*musica est exercitium arithmeticae occultum nescientis se*

numerare animi»¹⁵ (Белый 2014, с. 27). Желание свести стих к внутренней музыке и выразить ее через арифметику является следствием того же монадологического отношения к языку.

Следует отметить, что сам Белый прекрасно понимал фантастическую природу своих научных разысканий в «Глоссолалии», которая начиналась, с одной стороны, как стиховедческое исследование — анализ звукописи в лирике Блока (см.: Глухова 2004; Лавров 2008), с другой — как вполне серьезный диалог с современной Белому лингвистической наукой. Хотя поэт, безусловно, читал и использовал разыскания Антуана Мейе (см.: Мейе 1914), книга которого на тот момент была последним словом сравнительного языкознания, из текста «Глоссолалии» следует, что идеи Мейе не удовлетворяли писателя, и, в конечном счете, именно ему в ее начальных главках были адресованы упреки в интеллектуальной слепоте (см.: Белый 1922–1, с. 21–23). Настоящую симпатию, как можно понять по частоте его обращения к ним, вызвали у Белого «Лекции по науке о языке» Макса Мюллера, изданные по-русски в 1865 г. и на тот момент уже безнадежно устаревшие. Мюллер относился к лингвистам, еще всеерьез верившим в божественную сущность языка и в то, что поиск праязыка может помочь к ней приблизиться (см.: Мюллер 1865, с. 12). Добавим, что он был сыном немецкого поэта-романтика Вильгельма Мюллера, стихи которого, положенные на музыку Шубертом в песенном цикле «Winterreise»¹⁶, Белый в эти годы неоднократно цитирует в своих работах¹⁷. Такова, по-видимому, была степень укорененности образа мысли писателя-символиста в культуре немецкого романтизма.

Таким образом, языковая и социальная утопии Белого коренятся в одном монадологическом видении. Остается вопрос: где же монадологичность в описании утопии в первом периоде творчества — в симфониях? Ответ прост — в симфониях она заключена в самой их форме: нумерованные строки-монады сое-

15 «Музыка — это тайное упражнение в математике души, не знающей, что она занята вычислениями» (лат.). Из письма Г.В. Лейбница П. Гольдбаху от 27 апреля 1712 г.

16 «Зимнее странствие» (нем.).

17 На протяжении значительной части «Кризиса культуры» (§§ 2–34; см.: Белый 1994–2, с. 273–281) и в предисловии к общему изданию своих стихотворений (Белый 1923, с. 6–7; см. также: Белый 1990, с. 105; Белый 1997, с. 58, 60, 68–69, 87). «Ему слышался в них лейтмотив его странной судьбы <...> Эти годы он еще называл своим “Winterreise”» (Бугаева 2001, с. 100).

диняются увеличенным интерлиньяжем в своего рода строфы, «монады второго порядка», те, в свою очередь, образуют главки, а главки организованы в части, и все это одновременно имитирует музыку, как и следует из приводимого ранее афоризма Лейбница. Строки же симфоний пронумерованы в подражание не только и не столько Библии¹⁸, сколько монадологическим трактатам Н.В. Бугаева и самого Лейбница.

В научной литературе деятельность Белого часто характеризуется как «языковой эксперимент»¹⁹. Действительно, это так, если под словом «эксперимент» мы будем понимать просто создание *непривычного* и наблюдать оставленный Белым калейдоскоп *непривычных* языковых и литературных форм. Однако если под «экспериментом» мы подразумеваем собственно эксперимент, т. е. такую специфическую ситуацию, которая заранее запланирована и потом искусственно создана с целью наблюдения за результатами, то характеристика языковой деятельности Белого как эксперимента неверна и даже диаметрально противоположна реальному положению дел. Вместе с тем представление о «языковых экспериментах» Белого затушевывает его принципиальное отличие от значительной части современников. Посредством «эксперимента», когда автор заранее задает себе и языку условия и следит за их выполнением, всегда создавались такие причудливые вещи, как акростихи, или фигурные стихи, или другие усложненные стихотворные формы. Того же рода «эксперимента» требовало традиционное обучение стихосложению, пока оно входило в образовательную программу; путем такого «эксперимента» нередко (а иногда нарочито демонстративно) шел в своем творчестве В.Я. Брюсов (особенно в поэтическом сборнике «Сны человечества» и в трактате «Опыты по метрике, строфике и эвфонии»); такие «эксперименты» — обязательная составляющая деятельности следующего поколения русских модернистов и авангардистов (футуристов и возникавших вслед за ними школ).

18 Тем не менее о библейских ассоциациях, несомненно, свидетельствует так называемая «Предсимфония».

19 «Самого большого напряжения пересечение учения о Логосе и языкового эксперимента достигает в творчестве А. Белого, в особенности в его поэме-трактате “Жезл Аарона” <...> на А. Белом не заканчиваются поиски совершенного Логоса, с него лишь начинается процесс экспериментации с ним» (Фещенко 2009, с. 18–19). Ср.: Фещенко 2009, с. 153–171 (глава «Статус слова в языковом эксперименте А. Белого»); Подорога 2011, с. 184–188 (глава «Между двух бездн. Языковой эксперимент»).

Белый никогда, за редчайшими исключениями²⁰, так не «экспериментировал»: тщательное сравнение вариантов его текстов — от набросков и черновых редакций до многочисленных переделок уже изданного — показывает, что все диковинные приемы его письма и его языка рождаются как мелкие, даже не замечаемые пищущим случайности, как побочные эффекты творческого процесса, а сам процесс является только последовательностью упрямых попыток точнее выразить ощущаемый автором смысл. Для Белого, потебнианца и гумбольдтианца, естественная энергия языка нуждается не в том, чтобы для нее были созданы условия, т. е. формы выражения, но прямо наоборот: освобождаясь от «эксперимента» над собой, от заданных условий и от придания формы извне (и совершенно неважно, формы традиционной или новаторской), язык, по мнению поэта-мыслителя, может без усилий генерировать нужную форму для любого смысла одновременно с возникновением этого смысла — язык реализует таким образом свою пантомимическую (т. е. способную выразить все, что угодно) природу. Взаимонепонятность языков является следствием преград на пути непрерывной естественной генерации языковой формы для любого смысла, т. е. самой сути языка как энергии, по учению Гумбольдта и Поттебни. Возникающие конфликты понимаются при этом как последствия препятствий, поставленных некогда «экспериментами» на пути выражения смысла и генерации формы, а реализация пантомимической природы языка снимает их, открывая путь «братству народов». Этот основной принцип революционно-романтической языковой утопии, которую Белый дискурсивно разворачивает в своих трактатах по «теории слова», одновременно отражает свойственную ему практику работы над текстом. «Реформистский» же подход к языку, отмечаемый иногда исследователями (см.: Суслопарова 2010), скорее ближе футуристам, с которыми Белый полемизировал, на деле мечтая не о реформе языка и общества, но об их самоорганизации (см.: Белый 1917-4, с. 166-167, 170, 175, 189, 194-195, 199, 208, 212; Белый 1995-2, с. 40).

20 К числу немногочисленных «экспериментов» такого рода можно отнести его стихотворение «Утро» (1917) с запрограммированной смелой ударной гласной четверостишия от «высокого тона» и к «низкому» у, писавшееся одновременно с «Жезлом Аарона». Черновой набросок стихотворения, не замеченный издателями, расположен на обороте рукописей черновиков этой лекции (см.: Белый 1917-3, л. 14; ср.: Белый 1982, с. 380; Белый 2006, с. 625).

ЛИТЕРАТУРА

- Белоус 2005 — Белоус В.Г. Вольфила. 1919–1924. Кн. 2. М., 2005.
- Белый 1917-1 — Белый А. К звуку слов // ОР РГБ. Ф. 25. К. 3. Ед. хр. 12.
- Белый 1917-2 — Белый А. О ритмическом жесте // ОР РГБ. Ф. 25. К. 4. Ед. хр. 1.
- Белый 1917-3 — Белый А. Жезл Аарона [черновик лекции] // ОР РГБ. Ф. 25. Оп. 3. Ед. хр. 9.
- Белый 1917-4 — Белый А. Жезл Аарона // Скифы. Сборник 1. СПб., 1917.
- Белый 1918-1 — Белый А. Священная Россия // Россия. Вып. 1. М., 1918. 7 июня. С. 5-7.
- Белый 1918-2 — Белый А. Песнь солнценосца // Скифы. Вып. 2. 1918. С. 6-10.
- Белый 1918-3 — Белый А. На перевале. I. Весенние мысли // Наш путь. 1918. № 29. Май. С. 119-125.
- Белый 1918-4 — Белый А. Кризис жизни. Пг., 1918.
- Белый 1918-5 — Белый А. Кризис мысли. СПб., 1918.
- Белый 1918-6 — Белый А. Поэзия слова [лекция] // ОР РГБ. Ф. 25. Оп. 7. Ед. хр. 1. Л. 4; Оп. 6. Ед. хр. 25; Оп. 31. Ед. хр. 14. Л. 6.
- Белый 1920 — Белый А. Кризис сознания // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 64.
- Белый 1921-1 — *Alter ego* [Андрей Белый]. Утопия // Записки мечтателей. Пб., 1921. Вып. 2-3. С. 139-144.
- Белый 1921-2 — Белый А. Офейра. М., 1921.
- Белый 1922-1 — Белый А. Глоссолалия. Берлин, 1922.
- Белый 1922-2 — Белый А. Путевые заметки. Т. I. Сицилия и Тунис. М., 1922.
- Белый 1923 — Белый А. Стихотворения. Берлин, 1923.
- Белый 1920-е — Белый А. Себе на память // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 96.
- Белый 1932 — Белый А. Маски. М., 1932.
- Белый 1981 — Белый А. Петербург / Изд. подг. Л.К. Долгополовым. М., 1981.
- Белый 1982 — Белый А. Стихотворения / Подг. текста, предисл., коммент. Дж.Э. Мальмстада. Т. III. Примечания к стихотворениям. Мюнхен, 1982.
- Белый 1990 — Белый А. Между двух революций / Вступ. ст., подг. текста, коммент. А.В. Лаврова. М., 1990.
- Белый 1994-1 — Белый А. Антропософия и Россия / Пер. М. Безродного, Р. фон Майдель // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 168-181.
- Белый 1994-2 — Белый А. Символизм как миропонимание / Сост. Л.А. Сугай. М., 1994.
- Белый 1995-1 — Белый А. Собр. соч. Т. III. Серебряный голубь. Рассказы / Сост., предисл., коммент. В.М. Пискунова. М., 1995.
- Белый 1995-2 — Белый А. Собр. соч. [Т. IV.] Воспоминания о Блоке / Подг. текста, вступит. статья, коммент. С.И. Пискуновой. М., 1995.
- Белый 1997 — Белый А. Москва. Драма в 5 действиях / Предисл., коммент., публ. Т. Николеску. М., 1997.

- Белый 2006 — *Белый А.* Стихотворения и поэмы / Сост., подг. текста, коммент. и вступит. статья А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада. Т. 1. СПб.; М., 2006.
- Белый 2014 — *Белый А.* Собр. соч. Т. XIV. Ритм как диалектика и «Медный всадник». М., 2014.
- Белый, Блок 2001 — Андрей Белый и Александр Блок. Переписка / Публ., предисл. и коммент. А.В. Лаврова. М., 2001.
- Белый, Иванов-Разумник 1998 — Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступит. ст., коммент. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подг. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998.
- Бибихин 1996 — *Бибихин В.В.* В поисках сути слова. Внутренняя форма у А.А. Потебни // Новое литературное обозрение. №14. М., 1996. С. 23-34.
- Бибихин 2008 — *Бибихин В.В.* Внутренняя форма слова. СПб., 2008.
- Бугаев 1893 — *Бугаев Н.В.* Основы эволюционной монадологии. М., 1893.
- Бугаева 2001 — *Бугаева К.Н.* Воспоминания об Андрее Белом / Публ., предисл., коммент. Дж. Малмстада. СПб., 2001.
- Глухова 2004 — *Глухова Е.В.* Статья Андрея Белого об аллитерациях в поэзии Блока // Труды Русской антропологической школы. Вып. 2. М., 2004. С. 172-180.
- Глухова 2011 — *Глухова Е.В.* Лекция Андрея Белого «Жезл Аарона» // Миры Андрея Белого / Ред. А. Вранеш; ред.-сост. К. Ичин, М. Спивак; сост. И. Делекторская, Е. Наседкина. Белград; М., 2011. С. 57-67.
- Глухова 2015 — *Глухова Е.В.* Мифология «Солнечного града» в работах Андрея Белого послереволюционного периода // «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма. М., 2015. С. 146-169.
- Долгополов 1988 — *Долгополов Л.К.* Андрей Белый и его роман «Петербург». М., 1988.
- Зенкин 2004 — *Зенкин С.Н.* Форма внутренняя и внешняя (судьба одной категории в русской теории XX века) // Русская теория. 1920-1930-е годы. Материалы X Лотмановских чтений / Сост. С.Н. Зенкин. М., 2004. С. 147-167.
- Иванов-Разумник, Белый, Есенин 1920 — *Иванов-Разумник Р., Андрей Белый, Есенин С.* Россия и Инония / Предисл. Иванова-Разумника. Берлин, 1920.
- Каидзава 1999 — *Каидзава Х.* Идея прерывистости Н.В. Бугаева в ранних теоретических работах А. Белого и П. Флоренского // Москва и «Москва» Андрея Белого. М., 1999. С. 29-44.
- Какинума 2002 — *Какинума Н.* «Котик Летаев» Андрея Белого: влияние языка на развитие формы познания мира // Андрей Белый: Публикации. Исследования / Ред.-сост. А.Г. Бойчук. М., 2002. С. 235-252.
- Лавров 2008 — Стихотворение Александра Блока «К Музе» в интерпретации Андрея Белого / Предисл. и публ. А.В. Лаврова //

- Natales grate numeras? Сб. статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона. СПб., 2008. С. 300–308.
- Мейе 1914 — Мейе А. Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков. Юрьев, 1914.
- Мюллер 1865 — Мюллер М. Лекции по науке о языке. СПб., 1865.
- Подорога 2011 — Подорога В.А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы. Т. II. Ч. I. Идея произведения. Experimentum crucis в литературе XX века. А. Белый, А. Платонов, группа Обэриу. М., 2011.
- Серегина 2015 — Серегина С.А. Образы поэтической утопии в творчестве Андрея Белого и Сергея Есенина // Соловьевские исследования. 2015. № 1. С. 115–129.
- Силард 2011 — Силард Л. «Новая математика» и «философия математики» в *Истории становления самосознающей души: Аспекты аритмологии и комбинаторики* // Russian Literature. 2011. Vol. 70. № 1–2. P. 137–157.
- Соловьев 1911 — Соловьев В.С. Россия и вселенская церковь / Пер. Г.А. Рачинского. М., 1911.
- Спивак 1995 — Спивак М.Л. Андрей Белый — Рудольф Штейнер — Мария Сиверс // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 44–68.
- Спивак 2006 — Спивак М.Л. Андрей Белый: мистик и советский писатель. М., 2006.
- Стоун 2008 — Стоун Дж. Эстетика цвета в ранней лирике Андрея Белого // Андрей Белый в изменяющемся мире. К 125-летию со дня рождения / Сост. М.Л. Спивак, Е.В. Наседкина, И.Б. Делекторская. М., 2008. С. 236–258.
- Суслопарова 2010 — Суслопарова Г.Д. Утопические проекты в практике русского литературного авангарда // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2010. № 2 (6). С. 160–163.
- Суслопарова 2012 — Суслопарова Г.Д. Типология утопического мышления в литературе Серебряного века (символизм, футуризм, новокрестьянская поэзия): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- Фещенко 2009 — Фещенко В.В. Лаборатория Логоса. Языковой эксперимент в авангардном творчестве. М., 2009.
- Хан 1991 — Хан А.А. Потенция и А. Белый // Андрей Белый: Мастер слова — искусства — мысли. Bergamo, 1991. С. 135–151.
- Belyj 2003 — Belyj A. Glossolalia. Poem über den Laut = Glossolalie. A Poem about Sound. Dornach, 2003.
- Bjely 1922 — Bjely A. Die Anthroposophie und Rußland // Die Drei. 1922. № 7. S. 26–38. № 8. S. 45–57.
- Malmstad 1989 — Malmstad J.E. Andrej Belyj at Home and Abroad (1917–1923). Materials for a Biography // Europa Orientalis. № 8 (1989). P. 425–480.
- Walker 2002 — Walker G. Andrei Bely's Armchair Journey through the Legendary Land of «Ophir»: Russia, Africa, and the Dream of Distance // The Slavic and East European Journal. Vol. 46. № 1 (Spring, 2002). P. 47–74.

Социальная и языковая утопия в творчестве Андрея Белого революционных лет

В статье представлена смысловая парадигма утопического в наследии Андрея Белого. После революции 1917 г. утопические ожидания социально-исторических перемен вступают у писателя в сложный синтез с его теоретико-литературными и лингвистическими исследованиями, основанными на романтической философии языка В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни. В образах фантастической страны Аэрии, Офейры, Зофиреи («Глоссолалия», «Путевые заметки», статьи 1917–1920 гг.) языковая и социальная утопии у Белого совпадают, что также обусловлено влиянием лингвистического контекста (М. Мюллера). Как вариант историко-философской утопии рассмотрен неосуществленный замысел романа «Невидимый град». В 1920-е гг. писатель стремится осмыслить феномен русского символизма в ракурсе социальной утопии, что влечет за собой сближение в его творчестве софийного и коммунистического идеалов. В основу языковой и социальной утопии кладется монадология. Ведущей интенцией формирующейся революционно-романтической языковой утопии становится у Белого отказ от экспериментов над языком, освобождающий его пантомимическую природу и тем самым открывающий путь к «братству народов».

Ключевые слова: Андрей Белый, революция, социальная утопия, языковая утопия, философия языка, поэтика пантомимы.

The Social and Linguistic Utopia in the Works of Andrej Bely during the Revolutionary years

The article discusses the semantic paradigm of the utopia in the works of Andrej Bely. During the Russian revolution Bely's utopian expectations of social and historical changes comes into the complex of the synthesis with his literary and linguistic studies, which based on W. von Humboldt's and A. Potebnja's romantic philosophy of language. The image of fantastic country Aeriya (Ofeyra, Zofireya) was mentioned in the articles of the period following the Revolution of 1917, as well as in «Glossolalia» and «Travel Notes». Bely's social and linguistic utopias merge together, which is also determined by the influence of linguistic context (and specifically by Max Müller). Unrealized project of the novel named «Nevidimyj Grad» is considered a variant of historiosophical utopia. In the 1920s the writer interprets the phenomenon of Russian symbolism from the perspective of social utopia. This determines convergence of the Sophian ideal of symbolism and the communist ideal. Bely's linguistic and social utopias were based on monadology. Andrej Bely's linguistic utopia becomes the rejection of the language experiment, then liberates its pantomimic nature and opening way to the «Fraternity of peoples».

Keywords: Andrei Bely, revolution, social utopia, linguistic utopia, philosophy of language, poetic of pantomime.